

РАЦИОНАЛЬНАЯ ЭТИКА

Александр Каменецкий

Массы не воспринимают идеи, здравые или несостоятельные. Они только выбирают между идеологиями, разработанными интеллектуальными лидерами человечества. Но их выбор является окончательным и определяет ход событий. Если они предпочитают плохие доктрины, ничто не может предотвратить несчастья [1].

Людвиг фон Мизес

Что Мизес имел ввиду под 'плохими' доктринами? Какая наука отвечает на вопрос, что такое хорошо и что такое плохо? - Этика.

Экономика, в которую Мизес внёс огромный вклад, невозможно переоценить, занимается только вопросами человеческой деятельности: как люди ставят себе цели улучшения их положения, а затем составляют план достижения этих целей. Частью плана является выбор средств достижения цели и выбор лимитированных ресурсов. Экономика не отвечает на вопрос: хороши или плохи цели и хороши или плохи средства. Однако, люди, действуя, всегда пытаются минимизировать затраты, или, рационализировать свои действия.

Этика - наука о морали. Как термин и особая систематизированная дисциплина она восходит к Аристотелю. Что такое мораль? - Этот термин введён Цицероном от лат. *mores* «общепринятые традиции» - принятые в обществе представления о хорошем и плохом, правильном и неправильном, добре и зле, а также совокупность норм поведения, вытекающих из этих представлений.

Из этого определения кажется, что мораль, или выбор позиции о том, что такое хорошо и что такое плохо, также как ответ на вопрос что вкусно, а что нет - чисто персональный выбор и является чисто субъективным, а потому не может быть рациональным или иррациональным. О вкусах ведь не спорят. Цель этой статьи доказать обратное.

Есть ещё одна дисциплина, которая также отвечает на вопрос, что такое хорошо и что такое плохо, но с точки зрения закона (правосудия), или справедливости. Таким образом этика и справедливость очень тесно переплетаются.

Как справедливость может быть рациональной? Попробуем ответить на эти вопросы. Хотя история не может подтвердить, или доказать правильность гипотезы, она может опровергнуть аргумент. Как так? Из общих логических аксиом, которые, например, используются в математике, следует простой вывод, что если удастся найти пример, противоречащий гипотезе, то гипотеза не верна. Обратное, однако, не справедливо: один, два, или сколько угодно примеров не доказывают верность гипотезы. Таким образом, недостаточно привести какое угодно количество исторических событий, чтобы доказать историческую гипотезу. Правильность гипотезы может только быть доказана только с помощью теории [2].

Однако, история может помочь в создании гипотезы. Сформулируем гипотезу.

Движущей силой прогресса человечества, а значит этически оправданной, является свобода человека действовать на основе абсолютных прав на собственность в рамках добровольных договоров и гомстеда (право на использование ресурсов, ранее не использованных).

Некоторые очевидные следствия:

1. Любое насилие несовместимо с данной этикой.
2. Группа не имеет преимущества перед индивидуумом.
3. Каждый может выбирать, с кем заключать договор и делать сделки, а с кем нет.

Эта этика лежит в основе *либертарианства*.

Я думаю, что никто, считающий себя моральным человеком, не станет возражать быть частью общества, живущего по моральным законам *либертария*, однако поставит под

сомнение его реальность, в основном на основе 'неразрешимого' вопроса о решении конфликтов. Можно ли обойтись без монопольного органа, который заставляет всех соблюдать моральные (и вытекающие из них легальные) законы? И наказывает за их несоблюдение. Как в той сказке, про двух медвежат, нашедших головку сыра ...

А если нельзя, то вся идея рухнет на корню: этот монополист не попадает в определение, поскольку имеет право на насилие и будет решать неизбежные конфликты между ним и остальными, тем самым став выше остальных, нарушая условие равенства всех перед законом. Люди пытались ответить на эти вопросы с древних времен. Греко-римские философы оставили много различных идей по этому вопросу, и до сегодняшнего дня мыслители пытаются найти ответ [4].

Либертарианская этика отвечает на этот вопрос положительно: да, можно обойтись без монопольного органа, отвечающего за безопасность и соблюдения законов, которые этот же монополист и устанавливает. Другой, параллельный вопрос: а зачем, собственно, упираться? Чем такой монополист плох, если каждый гражданин может стать его частью (демократическое государство)? - Попытаюсь ответить на эти вопросы.

Человек отличается от всех остальных видов тем, что он действует согласно плану, или идее, им выбранной. Это целенаправленное действие коренным образом отличается от поведения других видов, которые подчиняются программе, заложенной в их генах. Интеллект, способность познания окружающего человека реального мира и использования доступных ему средств для производства полезных для него предметов - главное отличие человека от других особей. Интеллект порождает идеи, идеи приводят к действию, действие создает прогресс [3]. История человечества — это история идей.

Нет абсолютно никаких подтверждений страху, что свободный рынок, который привел к невиданному прогрессу в производстве товаров и сервисов, не может справиться с задачей производства 'защиты' от агрессии на собственность, и поэтому, функция производства этой защиты должна быть передана монополисту (государству, или защищенному государством органу), который оперирует вне рынка, и как следствие, вне конкуренции.

Вот что писал бельгийский философ Моллилари в 1849 г. [5]:

«Если в политической экономии существует одна устоявшаяся истина, то она заключается в следующем: во всех случаях и для всех товаров, которые служат для удовлетворения материальных или нематериальных потребностей потребителя, в интересах потребителя труд и торговля должны оставаться свободными, поскольку свобода труда и торговли приводят к максимальному снижению цены. А также, что интересы потребителя всегда должны преобладать над интересами производителя. Теперь, следуя этим принципам, можно прийти к такому выводу: что в интересах потребителей обеспечение безопасности должно оставаться предметом закона свободной конкуренции. Откуда следует: ни одно правительство не должно иметь права препятствовать тому, чтобы другое правительство вступило с ним в конкуренцию, или требовать, чтобы потребители безопасности приходили исключительно к нему за этим товаром.»

Если допустить, что такой монополист необходим, и он законно оперирует вне рыночного механизма ценообразования, то сразу возникает множество неразрешимых вопросов:

1) Из каких средств оплачивается работа этого органа? Относительно простой вопрос. Конечно, из налогов.

2) Сколько нужно производить защиты: один полицейский на 10000 населения или один полицейский на одного гражданина? Уровень компенсации полицейских, пожарников, и т.д. Средняя зарплата? От чего надо предоставлять защиту? Только от бандитов и воров? От стихийных бедствий? От финансовых кризисов? От потери дохода (работы)? От жуликов? От болезней?

На все эти вопросы нет, и не может быть, рационального ответа. Только конкуренция свободного рынка может быть рациональной, или оптимальной, где спрос и предложение находят *эквилибриум*. Но это далеко не всё. Любая монополия неизбежно приводит к увеличению стоимости и к снижению качества продукции. Кроме того, монополия имеет тенденцию к неограниченному росту. А почему бы и не расти, если можно увеличить налоги и аппарат, если спрос не играет роли? Тут собака и зарыта. Поскольку такого рода монополист паразитирует на производителях, то, как любой паразит, он разрастается до тех пор, пока не убивает своего источника.

И действительно, мы видим все эти отрицательные последствия ухода от рациональной этики. Конституция США была создана на идее лимитированного правительства, где функции государства были 'пронумерованы'. Было время, когда граждане США просто делали свое дело и не вступали в контакт ни с каким правительством годами. Подоходный налог был введен в 1913 г. Что же произошло? Почему идея 'лимитированного' правительства провалилась? Почему сегодня практически ничего не делается без контроля того или другого государственного органа? Явно присутствует какой-то промах в организации общества. Где он? Как отцы-основатели не предусмотрели такого хода дел? Фундаментальный ответ на этот вопрос был найден Ротбардом [5]. Суть его рассуждений заключается в следующем.

В результате эволюции человеческое общество разработало правовой механизм, обеспечивающий прогресс и основанный на понятии собственности. Законы, защищающие собственность, являются 'натуральными', или логически неопровержимыми. А посему хорошими. Больше никаких законов не нужно, поскольку они все, так или иначе, будут нарушать базовые, естественные законы, а потому нести моральную опасность.

Наиболее близко к пониманию этого процесса подошёл Томас Джефферсон. Он был уникален в том смысле, насколько близко подошёл к принятию либертарианской этики и законности. Но он был один. Другой 'отец-основатель', Александр Гамильтон, считал, что напротив, Америке нужна сильная централизованная власть, и Император. Кто победил? Конечно, Гамильтон [8]. Как ему удалось? Да с помощью законодательного органа. Как только монополист (государство) получает возможность устанавливать законы, оно будет неизбежно устанавливать законы, дающие все больше привилегий и собственности государству (паразиту) и его вассалам. Все эти законы так или иначе противоречат «натуральному закону» и либертарианской этике [9].

В результате общество разделилось на два класса, не на капиталистов (собственников) и пролетариат (не имеющих собственности), а на тех, кто должен производить, чтобы жить (товары или сервисы) и тех, кто не должен, поскольку паразитирует на производителях. Например, зарплата конгрессмена сегодня \$175,000 в год. Но это не всё. После 5 лет 'работы' в конгрессе этот представитель элиты будет получать пенсию в размере \$140,000 и специальные привилегии в медицинском обслуживании и других сервисах. Куда будет стремиться молодежь? Работать в частном секторе, где средняя зарплата менее \$60,000 и где заработать пенсию \$140,000 вообще невозможно, или направить свои таланты, чтобы оказаться среди 1% наиболее богатых?

Как такое положение дел может приниматься большинством населения как морально (этически) оправданное? Я допускаю, что экономические понятия сложны для понимания. Но вопросы морали и этики? Как элите (меньшинству) удастся доить большинство и убедить его, что всё это в интересах большинства, и большинство продолжает поддерживать статус-кво? Как американцы 19 века, независимые люди, рассчитывавшие на свои таланты и способности, с подозрением относившиеся ко всему, что исходило от правительства, превратились в толпу бесправных овец, с которых стригут шерсть, и которые ждут жалких подачек от государства, чтобы просто иметь крышу над головой и пропитание?

Сегодня, практически ничего не осталось от этики частной собственности и её антиправительственной бдительности. Хотя в настоящее время экспроприация собственности осуществляется в гораздо более широком масштабе, поправки прав владельцев частной собственности в подавляющем большинстве случаев считаются законными. Больше не существует общественного мнения, которое рассматривает правительство как антиобщественный институт, основанный на принуждении и несправедливой экспроприации собственности. Больше не считается морально презренным пропагандировать или, что еще хуже, активно участвовать в принудительном акте экспроприации, и больше не существует общего мнения, что никто не будет иметь никаких личных отношений с людьми, которые занимаются такой деятельностью.

Напротив, вместо того чтобы высмеять на сцене, или проявить открытую враждебность или пассивное негодование, таких людей уважают, как порядочных и честных. Политик, который активно поддерживает продолжение действующей системы неконтрактного налогообложения и регулирования собственности, или даже требует её расширения, везде воспринимается с уважением, а не с презрением. Интеллигент, который оправдывает налогообложение и регулирование, получает признание, как глубокий мыслитель в глазах общественности вместо того, чтобы быть разоблачённым, как интеллектуальный мошенник. Агент IRS считается человеком, выполняющим такую же законную работу, как ваша и моя, а не изгоем, которого никто не желает иметь в качестве родственника, друга или соседа.

Как правительство смогло достичь такого изменения в общественном мнении, которое сняло прежнее ограничение на его размер и вместо этого позволило (и все ещё позволяет) расти как в абсолютном, так и в относительном выражении [11-13]?

Не может быть никаких сомнений в том, что ключевым элементом этого поворота общественного мнения, который начал распространяться в Западной Европе в середине девятнадцатого века, на рубеже 20-го столетия в США, а затем в неуклонно растущих темпах повсюду. После Первой мировой войны возникли привлекательные новые - прямо или косвенно - этатистские идеологии.

На самом деле, государства всегда осознавали решающее значение идеологий, поддерживающих государство, для стабилизации и усиления своей эксплуататорской власти над населением, и они всегда делали попытки установить свой контроль, прежде всего, над учреждениями образования. Поэтому, вполне естественно, что они уделяют особое внимание «правильному» идеологическому наставлению и концентрируют всё, что осталось от их силы, на уничтожение всех независимых учебных заведений и их переход под контроль государства. Соответственно, чтобы вернуть себе преимущество в постоянной борьбе идей, с середины девятнадцатого века идет устойчивый процесс национализации или социализации школ и университетов и продление периода обязательного обучения.

Однако указание на это и связанные с этим факты все более тесного союза между государством и интеллектуалами [15] и переписывание истории последнего в соответствии с государственническими идеологиями лишь ставит проблему в фокус. Действительно, когда кто-то слышит о захвате государством системы образования, нельзя ли сразу же спрашивать, как ему это удаётся, если общественное мнение действительно привержено этике частной собственности?! Такое поглощение предполагает изменение общественного мнения.

Как же тогда это было достигнуто, особенно с учётом того факта, что такое изменение подразумевает принятие явно неправильных идей и, следовательно, вряд ли может быть объяснено как эндогенно мотивированный процесс интеллектуального развития? Казалось бы, такое изменение ко лжи требует систематического введения экзогенных сил: истинная идеология способна поддерживать себя только благодаря своей истинности. Ложное нуждается в подкреплении внешними влияниями с чётким, осязаемым воздействием на

людей, чтобы быть способным создавать и поддерживать атмосферу интеллектуальной коррупции. Именно к этим осязаемым, поддерживающим идеологию и усиливающим факторам следует обратиться, чтобы понять упадок этики частной собственности и соответствующий рост этатизма за последние 100–150 лет [16].

Я рассмотрю четыре фактора и объясню их коррупционную функцию для общественного мнения. Всё это изменения в организационной структуре государства. Первый - структурная перестройка государства от военного или полицейского к перераспределительному. Прототипом таких организационных изменений является часто упоминаемая Пруссия при Бисмарке. Вместо правительственной структуры, которая характеризуется небольшим правящим классом, который использует свои эксплуатируемые ресурсы почти исключительно для чистого государственного потребления или для поддержания своих военных и полицейских аппаратов государства, теперь все активнее проводят политику покупки поддержки населения, находящегося за пределами самого правительственного аппарата.

Благодаря системе трансферных платежей, предоставлению привилегий специальным клиентам, а также государственному производству и предоставлению определённых «гражданских» товаров и услуг (например, в сфере образования) население становится всё более зависимым от продолжения государственного правления. Люди вне правительственного аппарата всё больше имеют ощутимую финансовую заинтересованность в его существовании, и им будет нанесён ущерб, по крайней мере, в краткосрочной перспективе, если правительство потеряет власть. Вполне естественно, что эта зависимость имеет тенденцию уменьшать сопротивление и увеличивать поддержку. Эксплуатация может всё ещё казаться предосудительной, но это чувство значительно уменьшается если человек ожидает получить от эксплуататора.

Признавая это коррупционное влияние на общественное мнение, государства всё больше начинают заниматься перераспределительной политикой. Увеличивается доля государственных расходов на гражданские нужды по сравнению с военными и чисто государственными расходами. Военные расходы по-прежнему могут неуклонно расти в абсолютном выражении, и они действительно растут практически везде по сей день, но они теряют повсюду в сравнении с расходами на перераспределение.

В зависимости от конкретных условий общественного мнения такая политика перераспределения обычно одновременно принимает одну из двух форм и часто, как в случае с Пруссией, обе: с одной стороны, форма Sozialpolitik, так называемых реформ социального обеспечения, обычно связанных с перераспределением дохода от «имущих» производителей к «неимущим», а с другой стороны, к бизнес-картелизации и регулированию, обычно подразумевающее перераспределение от производителей «неимущих» или «ещё не имущих» к «уже имущим».

Sozialpolitik играет на эгалитарных настроениях, и значительная его часть может быть превращена в принятие государственной эксплуатации в обмен на исполнение государством «социальной справедливости». Введение политики картелизации и регулирования бизнеса, которое апеллирует к консервативным настроениям, особенно среди буржуазного истеблишмента, который закрывает глаза на очевидную экспроприацию собственности в обмен на сохранение статус-кво.

Эгалитарный социализм и консерватизм, таким образом, трансформируются в идеологии государства. Они конкурируют друг с другом в том смысле, что отстаивают несколько иные модели перераспределения, но их конкурентные усилия сходятся и объединяются в совместной поддержке этатизма и перераспределения этатизма, и являются ничем иным, как использованием древнего, как мир, принципа «разделяй и властвуй».

Второе структурное преобразование, способствующее свёртыванию этики частной собственности, — это изменение конституций государств. В ответ на вызов этики частной собственности, государства изменяют свои конституции с монархического самодержавия

или аристократической олигархии на уже знакомый тип так называемой либеральной демократии. Вместо того, чтобы быть закрытым институтом, который ограничивает попадание на определённые правительственные должности через систему кастового или классового законодательства, принимается государственная конституция, которая в принципе открывает все правительственные должности для всех и предоставляет равные и универсальные права на участие и конкуренцию в разработке государственной политики.

Каждый, а не только «дворянин», теперь получает законную долю в государстве, и сопротивление его правлению имеет тенденцию соответственно уменьшаться. Хотя эксплуатация и экспроприация могут показаться плохими, они кажутся гораздо менее значимыми, поскольку человечество является тем, чем оно является: как только человек получает возможность попасть в управляющий класс, он забывает об этических принципах.

Платя цену за демократизацию своей конституции, государство коррумпирует существенные части общественного мнения, постепенно убирая из виду тот фундаментальный факт, что акт эксплуатации и экспроприации, является одним и тем же, независимо от того, каким образом и кем он совершается, решается и приводится в исполнение. Стирается грань между этическим и законным, при условии, что гарантировано право голоса и люди могут участвовать в отборе государственных служащих. Эта коррупционная функция демократизации, как стимула для возрождения государственной власти была с большой проницательностью описана Бертраном де Жувенелем [18].

Две другие корректировки, внесённые государством для поднятия уровня популярности и увеличения его нынешних размеров, связаны с межгосударственными отношениями. С одной стороны, как объяснял де Жувенель, государства как монополистические эксплуататоры имеют тенденцию участвовать в межгосударственной войне. С их ограниченной внутренней эксплуатационной силой растёт желание компенсировать эти потери путём внешней экспансии. Однако это желание нуждается во внутренней поддержке. Поддержка создается посредством политики перераспределения, регулирования промышленности и демократизации. Фактически, государства, которые не принимают эти меры, неизбежно проигрывают в любой длительной войне! Именно эта поддержка используется в качестве плацдарма для реализации экспансионистских желаний государства.

Эта вновь обретенная поддержка использует тот факт, что перераспределение, регулирование и демократизация подразумевают более осязаемую идентификацию населения с конкретным государством и, таким образом, почти автоматически ведут к росту протекционистских, если не открытых антагонистических отношении к «аутсайдерам», что, в частности, государственные производители по своей природе враждебны «иностранный» конкуренции. Эта поддержка превращается государством и его интеллектуальными телохранителями в сумасшествие национализма и обеспечивает интеллектуальную основу для интеграции социалистических, эгалитарных, консервативных и демократических чувств [19].

При поддержке такого национализма государства начинают свой экспансионистский курс. На протяжении более, чем столетия, началась почти непрерывная серия войн и империалистических экспедиций, каждая из которых была более жестокой и разрушительной, чем предыдущая, с неизменно более активным участием неагрессивного населения, кульминацией которого стали I и II мировые войны. Во имя социалистической, консервативной или демократической нации и с помощью войны государства расширили свои территории до размеров, по сравнению с которыми даже Римская империя выглядит незначительной, и фактически постепенно уничтожали или подчиняли иностранному правлению растущее число культурно отличных наций [20].

Однако не только внешняя экспансия государственной власти обусловлена идеологией национализма. Война, как естественный продукт национализма, также является средством укрепления внутренних возможностей государства по эксплуатации и

экспроприации. Каждая война также является внутренней чрезвычайной ситуацией, и чрезвычайная ситуация оправдывает принятие государством усиления контроля над собственным населением. Такое усиление контроля, полученного благодаря созданию чрезвычайных ситуаций, уменьшается в мирное время, но оно никогда не возвращается к довоенному уровню.

Скорее, каждая успешно завершённая война (и только успешные правительства могут выжить) используется правительством и его интеллектуалами для пропаганды идеи, что только из-за националистической бдительности и расширенных правительственных полномочий "иностранцы-агрессоры" были подавлены и этот успешный рецепт должен быть сохранён для подготовки к следующей чрезвычайной ситуации. Во главе с только что доказанным «доминирующим» национализмом каждая успешная война заканчивается достижением нового пика государственного контроля в мирное время и, таким образом, ещё более усиливает аппетит правительства к осуществлению следующей выигрышной международной чрезвычайной ситуации [21].

Каждый новый период мира означает более высокий уровень правительственного вмешательства по сравнению с предыдущим: внутренне в форме возросших ограничений на диапазон выбора, который владельцам частной собственности разрешается делать в отношении их собственности; и внешне, в виде более высоких торговых барьеров и всё более жёстких ограничений на перемещение населения (особенно в отношении эмиграции и иммиграции). Не в последнюю очередь потому, что он основан на усилении дискриминации в отношении иностранцев и внешней торговли, любой такой мир содержит повышенный риск следующего международного конфликта или оказывает давление на затронутые правительства с целью заключения двусторонних или многосторонних межгосударственных соглашений, направленных на картелизацию их соответствующих структур власти. Это позволит совместно эксплуатировать и экспроприировать население друг друга.

Наконец, четвёртая корректировка порождена тремя предыдущими из-за продолжающегося процесса межгосударственной конкуренции, кризисов и войн. Это происходит не по инициативе государства, в отличие от перераспределения, демократизации и ведения войн. Скорее, в модной терминологии Хайека это является непреднамеренным следствием того факта, что, за исключением доминирования одного государства над всем миром (что, конечно, является мечтой каждого государства!), продолжающееся существование других государств оказывает существенное ограничение на каждое государство, его размер и структуру.

Будь то намеренная или непреднамеренная, эта структурная перестройка также должна быть взята во внимание, если кто-то хочет полностью понять процесс, который привёл к нынешнему миру этатизма. Кроме того, только упоминая эту корректировку, мы наконец-то получили ответ на вопрос, почему именно налоговое государство доминирует в мире.

Приведённые выше пороки «конституционной пере распределительной демократии» делают эту политэкономическую систему неустойчивой, и она неизбежно должна трансформироваться в устойчивую форму: либо в диктатуру, либо в либертарианскую систему «естественной законности» [6].

Где Америка сегодня? Судя по набирающей популярности «СМТ» (ММТ – Modern Monetary Theory) мы очень близко от следующего кризиса, который не удастся «победить» обычным способом печатания денег. СМТ концентрируется вокруг представления о том, что экономика в целом и деньги в частности должны быть творениями государства. Это не новая идея - СМТ существует в той или иной форме, по крайней мере, со времен Маркса. СМТ в основном полагает, что мудрые и неподкупные правительства должны создавать столько валюты, сколько они считают нужным, тратить её в тех областях, которые им

нравятся, и решать любые проблемы, возникающие с помощью большего количества законов и регуляций.

В этом нет ничего нового. Просто более радикальная версия экономического фашизма, который доминировал в США, по крайней мере со времен Нового курса. Это просто ещё одно название для старого и очень глупого набора экономических идей. Под глупостью я подразумеваю «неспособность предсказать косвенные и отсроченные последствия действий».

Политики сейчас говорят о предполагаемой пользе СМТ. Псевдоэкономисты делают свои заумные и непонятные им самим математические вычисления о том, как это может повлиять на экономику. Публика по-прежнему верит, что получит что-то даром. Но то, о чём мы должны здесь говорить, это моральный принцип. Вопрос не в том, будет ли работать СМТ или нет. Понятно, что не будет. Будет работать так же, как и экономическая политика Венесуэлы и Зимбабве, или Аргентины.

Эти схемы никогда не работали во всей истории. Они приводят к значительно более низкому уровню жизни, наряду с социальными раздорами. Суть СМТ в радикально усиленном государственном контроле. Аргумент не должен быть о том, будет ли СМТ «работать» или нет. Аргумент должен быть о том, морально ли, чтобы люди в правительстве - избранные или назначенные - печатали деньги, чтобы превратить экономику в то, что им подходит лучше, и усилить эксплуатацию и контроль.

Что такое деньги? Деньги представляют часы вашей жизни, которые вы потратили, зарабатывая их. Это основной принцип. Он представляет собой сконцентрированную жизнь - всё, что вы хотите иметь и делать для себя, и обеспечивать других в будущем. Когда эти люди разрушают ценность денег, они разрушают часть вашей жизни. «Инфляция» не вызвана жадными мясниками, пекарями и производителями бензина. Она вызвана избытком количества денег. СМТ даст государству тотальный контроль над его количеством. В любом случае, некоторые люди получают новые деньги гораздо раньше, чем другие, прежде чем цены действительно взлетят. Кто? Приближённые к монополисту.

Моральный вопрос. Поймите, абсолютно каждое вмешательство правительства в экономику - будь то налоги, нормативные акты или инфляция - всегда приносит пользу людям внутри и вокруг правительства. И наносит ущерб обществу в целом. Но они проданы избирателям, в «хой поллои», «подсчету голосов», как то, что выведет их на прогулку по парку. Что является ложью, конечно.

Но дело не в этом. Средний парень не понимает экономику; он не думает, он чувствует.

Более того, никто не говорит о том, являются ли такие идеи, как СМТ, такие как мораль правильными или неправильными. Вместо этого у них есть бессмысленные и нелепые аргументы о том, работает это или нет. Ну, это не работает. Но это отвлекает.

Это вопрос моральный, а не технический. Имеет ли кто-то в правительстве право определять вашу экономическую судьбу? Или нет? Тот факт, что Александрия Оказио-Кортес [АОС] - амбициозный, неизмеримо невежественный, морально искалеченный 29-летний пуэрториканский бармен - задает тон всей этой дискуссии, говорит о том, насколько деградировали США. США уже на пути к превращению в гигантское социальное и полицейское государство.

Но, как вы знаете, я всегда смотрю на светлую сторону. Что это - если вы дадите себе немного психологической дистанции — это все комедия. АОС, Дональд, Болтон, Берни Сандерс, Покахонтас, Хиллари, Камала и т. д. и т. п. Они все опасные мега маньяки. Но шимпанзе слушают их, слушают их команды, держатся за каждое их слово, поддерживают их, и их легко подстрекать ненавидеть, называть плохими словами и быть готовыми убить друг друга (к большому удовольствию кукловодов).

Американская публика получит именно то, что заслуживает. Я не сочувствую им. Но внуков жалко. Римлянам в пятом веке, когда рухнула империя, тоже некуда было бежать.

Источники

1. Ludwig von Mises “Human Action” Page 860.
2. Ludwig von Mises “Theory and History”
3. H. H. Hoppe “A short history of Man”
4. Carl Popper “Open Society”
5. Gustave de Molinari, *The Production of Security*, trans. J. Huston McCulloch (New York: Center for Libertarian Studies, Occasional Paper Series No. 2, 1977), p. 3.
6. Murray N. Rothbard “Ethics of Liberty”
7. Albert Jay Nock “Jefferson”
8. Thomas J. DiLorenzo “Hamilton's Curse: How Jefferson's Arch Enemy Betrayed the American Revolution--and What It Means for Americans Today”
9. John Locke “Second Treatise on Government”
10. H. H. Hoppe “Economics and Ethics of Private Property”
11. A. V. Dicey, *Lectures on the Relation Between Law and Public Opinion in England* (New Brunswick, N.J.: Transaction Books, 1981);
12. Elie Halevy, *A History of the English People in the 19th Century*, 2 vols. (London: Benn, 1961);
13. Paul Johnson, *Modern Times: The World from the Twenties to the Eighties* (New York: Harper and Row, 1983).
14. Julien Benda, *The Treason of the Intellectuals* (New York: Norton, 1969)
15. H. H. Hoppe, *A Theory of Socialism and Capitalism*, chap. 8.
16. W. H. Greenleaf, *The British Political Tradition*, 3 vols. (London: Methuen, 1983–87);
17. Arthur E. Ekirch, *The Decline of American Liberalism* (New York: Atheneum, 1976);
18. Bertrand de Jouvenel, *On Power* (New York: Viking Press, 1949), pp. 9–10.
19. Ludwig von Mises, *Liberalism*
20. Johnson, *Modern Times*.
21. Higgs, *Crisis and Leviathan*